

Н.В.Ракуц

Образ Инки Виракочи в перуанских текстах колониального периода

В статье рассматривается вопрос о создании образа Инки Виракочи в испано-язычных текстах колониального периода. Традиционно в трудах по инкской истории его представляли как труса, бежавшего из Куско во время нашествия чанков, победа над которыми его сына Пачакутека положила начало созданию инкской империи. На основании имеющихся источников можно, однако, сделать вывод, что Пачакутек на самом деле приписал себе победы своего отца. Если учитывать сведения всех авторов, сообщающих о Виракоче, то получается, что именно он являлся создателем основ империи. Укоренившееся же в историографии представление о нем является лишь следствием произвольного отбора источников.

Ключевые слова: образ Инки Виракочи, источники, традиция.

Инка Виракоча* занимает в историографии инкского периода особое место в связи с рядом обстоятельств. Его образ не так популярен, как фигура общепризнанного «создателя империи» Инки Пачакутека (официально правил в 1438—1471 гг.), непосредственным предшественником которого был Виракоча Инка (1410—1438). Более того, многие хронисты обвиняли его в трусости и в том, что он бросил Куско на произвол судьбы перед нашествием чанков (согласно некоторым предположениям это была сильная конфедерация — то ли кечуанская, то ли аймарская по языку, — захватившая соседние с государством инков, включавшим тогда непосредственно только регион г. Куско, территории и пытавшаяся продолжить экспансию). Положительную оценку Инке Виракоче дали, однако, не только «поздние» (т.е. в нашем случае — XVII в.) авторы: иезуит Анелло Олива, знаменитый Гарсиласо де ла Вега, менее известный из-за своей, как считается, фанта-

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (Ychma@rambler.ru)

* Восьмой правитель инкского государства. Согласно официальному списку правил по традиционной принятой сегодня хронологии в первой трети XV в., но, возможно, занял престол и раньше; точных данных нет.

стической генеалогии правителей Куско Фернандо де Монтесинос, и иезуит Бернабе Кобо, а также Пома де Айала, но и так называемые кипукамайоки*, опрошенные испанскими чиновниками еще в начале 40-х годов XVI в., которых, как и Гарсиласо, можно, конечно, «обвинить» в пристрастности: они представляли силы, враждебные клану Пачакутека. То есть принадлежали к сторонникам двенадцатого «законного» Инки Уаскара, убитого по приказу Атауальпы. Нельзя не отметить, что вполне благожелательно, или, по крайней мере, нейтрально, относились к Виракоче и некоторые другие авторы, например, Сьеса де Леон (середина XVI в.). Но тогда неясно, на чем основана укоренившаяся даже среди большинства современных исследователей отрицательная оценка Инки Виракочи, и насколько она справедлива. Какими были основные «слагаемые» образа Инки Виракочи, представленные в позднейшей исторической традиции? И в чем причина противоречивости оценок этой фигуры?

В данной работе не ставилась цель детально разобрать слагаемые образа Инки Виракочи на основе всех имеющихся источников вследствие отсутствия доступа ко многим из них. Для анализа выбрано 12 доступных текстов XVI — середины XVII вв., так или иначе упоминающих Виракочу или повествующих о нем достаточно подробно: ранние по времени написания труды Сьесы де Леона и испанского автора Хуана де Бетансоса, который одним из первых хоть как-то освоил государственный язык инков, кечуа, был женат на родственнице Атауальпы (середина XVI в.); сообщение кипукамайоков, «История» Сармьенто де Гамбоа (70-е годы XVI в.), а также более поздние хроники первой половины XVII в. — индейского автора Санта Круса Пачакути Ямки Салькамайгуа, Гарсиласо де ла Веги, миссионера Мартина де Муруа, Помы де Айала, Фернандо де Монтесиноса, испанского историка Антонио Вакеса де Эспиносы, иезуитов Анелло Оливы и Бернабе Кобо.

Говорить об образе того или иного инкского правителя в представлениях авторов колониальной эпохи — задача достаточно сложная уже в силу того, что практически все соответствующие описания восходят (как стало принято считать) к одному источнику — официальной инкской традиции в том виде, в котором она сложилась при девятом Инке, Пачакутеке — и потому, якобы, довольно стандартны. Исключения, однако, не так уж редки, и они, как представляется, отражают наличие и других, «неофициальных», версий, существовавших параллельно (что видно на примере текстов кипукамайоков, Гарсиласо, Монтесиноса, Помы, Оливы и др.). Хотя следует отметить, что со временем в оценках появляется все больше расхождений, но выявить их природу сложно, поскольку авторы, как правило, не утруждали себя ссылками. К тому же в наше время то и дело происходит переоценка самих текстов. Достаточно вспомнить о том, сколько раз менялось отношение к тем же «Королевским комментариям» Гарсиласо де ла Веги, как Ф.Монтесинос получил репутацию «фантазера» за многовековую историю правителей Куско или вообще о полном отрицании какой бы то ни было ценности хроник как источника в известной работе шведского историка Аке Ведины. Сейчас ситуация изменилась¹. Но поскольку почти все

* Кипукамайоки — официальные хранители традиции, уцелевшие после погромов последнего Инки Атауальпы во время гражданской войны конца 20-х — начала 30-х годов XVI в. за престол, непосредственно накануне испанского вторжения.

Официальный портрет Инки Виракочи XVIII в., написанный на основе картин, сделанных по заказу вице-короля Франсиско де Толедо (XVI в.)

хроники одновременно содержат то, что их авторы считали историей, и литературное изложение (что неминуемо ставило хронику в промежуточное положение между историей и новеллой), наложенные на европоцентризм, относиться к их данным приходится с большой осторожностью. К тому же довольно редко удается проверить информацию по другим источникам. Тем более примечательно, что как раз большинство авторов текстов, отобранных, прежде всего, по причине их доступности, относятся к Инке Виракоче положительно или вполне толерантно. Но почему-то именно эти тексты оказались вне поля зрения большинства современных историков, писавших о Виракоче, и основное достижение их критического подхода в значительной степени свелось к укреплению восприятия исторической традиции, утвержденной Пачакутеком, как верно отражавшей исторические события. Но

именно при нем официальная инкская история по его личному приказу была отредактирована, естественно, в нужном ему направлении. Насколько можно ей доверять? Но традиционно доверяют. Таков, к сожалению, прямой результат до сих пор нередко встречающегося в науке произвольного отбора материала. Однако, признанная сегодня научным сообществом ценность и других источников, отклоняющихся от официальной инкской версии, позволяет относиться к ним с достаточным доверием. Хотя бы потому, что сегодня эти данные есть, с чем сопоставить, помимо письменных свидетельств, например, с археологическими материалами. Поэтому представляется достаточно актуальным пересмотреть непонятно почему устоявшийся в науке традиционный образ Инки Виракочи, описания которого с завидной регулярностью содержатся почти в каждой книге.

Можно назвать несколько тем, в ходе освещения которых в достаточно подробных текстах и создается образ-характеристика правителя: происхождение; описание внешности; имя и его значение; семейные отношения и связи; войны; прочие деяния и наследие. К этому могут быть добавлены изображения правителя².

Рассмотрим по порядку вышеуказанные темы. Прежде всего — происхождение Виракочи, т.е. его генеалогия. По укоренившейся в науке версии Виракоча был отстранен от власти в 1438 г., дата же его рождения не установлена. Практически все авторы согласны с тем, что Виракоча был одним из «законных» сыновей седьмого Инки Ягуар Уакака и его жены из правящего рода этноса Айармака. Правописание ее имени в источниках варьи-

руется, поэтому за нечто среднее можно принять «Мама Чикья». Пома, однако, называет ее Ипа Уако Мама Мачи койя. Расхождения, однако, имеются в том, что кипукамайоки, Пачакути Ямки, Монтесинос и Кобо называют его старшим сыном Ягуар Уакака, Бетансос и Олива просто сыном, а Гамбоа — только третьим законным сыном, Муруа же — единственным. Съеса де Леон, самый ранний из рассматриваемых здесь авторов, еще более «запутывает» картину: в одном месте утверждает, что у Ягуар Уакака вообще не было детей, и тут же — что Виракоча его сын или племянник (так в разных изданиях одного и того же его труда, перуанском и венесуэльском, нами использованных). Исследователи обратили внимание на еще одну возможность: Виракоча на самом деле мог быть и братом Ягуар Уакака. Это следует из того

Инка Виракоча в книге «История» Мартина де Муруа (XVII в.)

факта, что имена «капитанов» (военачальников) у них одинаковые, тогда как при смене власти от отца к сыну они никогда не совпадают, что и понятно: новый правитель назначал командиров из числа своего ближайшего окружения. Еще одна интересная деталь: Съеса де Леон (единственный из указанных нами авторов) сообщает, что Ягуар Уакак погиб в результате заговора, после чего Виракоча и был избран правителем³. Но тогда возникает законный вопрос: а кто был организатором и вдохновителем этого заговора? Может быть, сам Виракоча? В таком случае имел бы место государственный переворот. Но информации, содержащейся в имеющихся источниках, для такого заключения недостаточно. Таким образом, обстоятельства прихода Виракочи к власти (согласно позиции Съесы, в результате избрания) остаются неясными.

Внешний облик Инки авторы описывают весьма кратко. Некоторые отмечают его необычную внешность: он был бородат (Съеса, Муруа, Пома), выделяют такие черты его характера, как щедрость, милосердие, справедливость, храбрость (Бетансос, Муруа, Олива, Пома)⁴.

В тех случаях, когда авторы уделяют внимание вопросу, связанному с именем правителя, они или просто называют его Виракочей, или сообщают, что это имя ему присвоили подданные (Бетансос), что он принял его после победы над чанками (ее большинство современных историков приписывает Пачакутеку) или же после явившегося ему видения божества (Гарсиласо и повторяющие его Васкес де Эспиноса и Кобо). Преподнесенное его имя, якобы, неизвестно. В этом смысле исключениями являются: Гамбоа — он пишет, что принца прежде звали Хатун Тупак Инка; Монтесинос и Олива отметили, что, прежде, чем принять новое имя, принц именовался Тоба Инка. Впрочем. У Оливы,

Портрет Инки Виракочи XVIII в. в собрании Бруклинского музея

со ссылкой на его информатора, кипукамайока Катари, мы встречаем также утверждение, что Виракоча и Пачакутек — это вообще имена одного и того же лица⁵.

Относительно семьи Виракочи данные тоже во многом расходятся. Авторы достаточно едины во мнении относительно имени главной жены правителя: Мама Рунтукайя (с вариациями). Что же касается детей и их количества, то разночтений много. Так, кипукамайоки сообщают о трех сыновьях Виракочи — Юпанки, Урконе, Майте; Съеса просто пишет, что детей было много, и Урко — старший. По мнению Гамбоа у Виракочи было четверо сыновей от главной жены, а также двое — от

второй: Урко (только его потомки утверждают, что он был законным сыном) и Соксо. Гарсиласо лишь отметил наличие множества законных и незаконных сыновей, указав, что Пачакутек — старший. Согласно текстам Муруа, Виракоча имел пятерых сыновей, Пачакути — старший, Урко — второй (впрочем, Муруа приводит и такую версию, что у Виракочи, который, по словам хрониста, был очень привержен колдовству, детей вообще не было, и наследовал ему его брат Инка Юпанки). Пома упоминает четырех законных сыновей, одну дочь (в том числе, по его мнению, Юпанки старший, Уркон — второй сын) и наличие детей-бастардов. Кобо утверждал, что у Виракочи было четыре сына: Пачакути, Рока, Тупак и Капак. Васкес де Эспиноса писал, снова повторяя Гарсиласо, что от первой жены родились Пачакути и Мама Окльо, но Инка кроме того оставил еще сто детей — законных и бастардов. Олива, похоже, так и не определился до конца, считать ли имя Пачакутек лишь вторым именем инки Виракочи, или же полагать Пачакутека сыном Виракочи⁶.

Непременной частью описания деятельности любого правителя инков является его связь с военным делом. Разумеется, о Виракоче (тем более, что его считали воинственным) писали по этому поводу много (исключение здесь Пачакути Ямки, сообщавший лишь о строительной деятельности правителя), но данные опять-таки сильно расходятся. Гамбоа считает, что Виракоча воевал лишь в окрестностях Куско, а с появлением чанков позорно бежал, бросив город (впрочем, Гамбоа пишет и о заговоре в пользу Пачакутека во время нападения чанков, так что еще непонятно, от кого Виракоча бежал — от врагов или от заговорщиков). Гарсиласо приписывает Виракоче не только победу в войне с чанками, но и покорение 11 провинций, кипукамайоки — даже еще больше. Олива писал о его походах в сторону озера Титикака и в Чили. Но это крайности. Съеса де Леон, Васкес де Эспиноса, Муруа и Пома сообщают о довольно крупных завоеваниях Виракочи в разных местах. Причем Пома и Олива в их числе, например, упоминают и земли чанков. Кобо же указывал, что Виракоча разгромил и

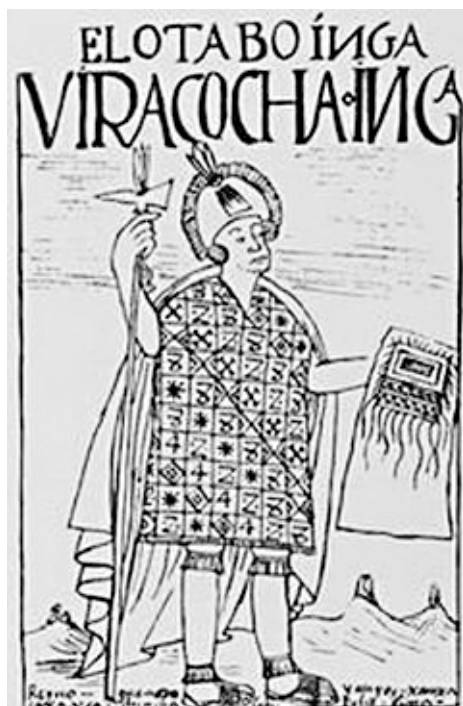
подчинил всех соседей. И именно это наиболее вероятно. В целом на основании данных археологии, подтверждающих версию Кобо, сегодня можно говорить о том, что так называемый Кусканский регион (в радиусе 70 км от Куско) именно при Виракоче был уже прочно включен в состав государства, т.е. было создано ядро той самой империи, которая сформировалась в результате последующих завоеваний. Эта территория уже напрямую управлялась из Куско, были основаны так называемые королевские имения, нацеленные на производство как продовольствия, так и военного снаряжения, и т.п.⁷. Без этого «ядра» быстрое создание империи было бы просто невозможно.

Портрет Инки Урко

Рассматривая вопрос о том, при ком произошла война с чанками, достаточно повторить утверждение всемирно известного американиста Райнера Тома Зуйдемы, что никаких доказательств того, что она имела место именно при Пачакутеке, точнее, в самом конце правления Виракочи, нет. О Виракоче как герое этой войны пишут только Гарсиласо и Кобо (но допустим, что второй «списал» у первого). Однако Васкес де Эспиноса также указывает, что Виракоча победил мятежных чанков. Допустим, что он тоже основывался только на данных Гарсиласо. Но независимо от Гарсиласо Пачакути Ямки отметил, что чанки напали на Куско после гибели в одной из военных экспедиций Уркона. Косвенно войну упоминает и Пома, называя провинцию «чангов» в числе завоеваний Виракочи. Есть также указание Бетансосу на то, что войну вызвало принятие Инкой имени божества, что нарушало установившуюся иерархию правителей (он поставил себя над всеми прочими). А Сьеса и вовсе утверждает, что Виракоча, под давлением знати, отказался от престола (в пользу Уркона, который повел себя, как он пишет, неподобающим правителю образом, а затем и вовсе отправился отдыхать, оставив город на попечение Пачакутека). Именно тогда, в 1438 г. (традиционно признанная дата), и напали чанки. Виракоча ушел в Юкай, в свое имение, Уркон в войне не участвовал, вся слава и досталась Пачакутеку. Как видим, версии весьма противоречивые. Это вызвало появление, на наш взгляд, вполне вероятной гипотезы о том, что поход чанков был на самом деле мятежом, поскольку тот же Кобо пишет о завоевании чанков еще шестым Инкой, Рокой, предшественником Ягуар Уакака, т.е. оно имело место, ориентировочно, почти столетием ранее. Пачакутек как узурпатор (учитывая указания на заговор в его пользу у Гамбоа) просто приписал победу себе⁸.

Война с чанками заслоняет собой другое событие, также связанное в имеющихся источниках с правлением Виракочи, — поход в Кольяно, к берегам оз. Титикака. Правда, если не считать простой констатации факта покорения многих земель на высокогорье кипукамайоками, подробно об этом повествует только Сьеса (хотя Кобо сообщает о походе в провинции

Инка Виракоча в изображении Помы де Айала (XVII в.)

Канас и Канчес между Куско и Титикакой). Но его данные сейчас, в принципе, сомнению не подвергаются, в том числе и благодаря косвенным свидетельствам — накоплению археологических подтверждений проникновения инков на альтиплано уже в XIV в. Точно датировать этот поход не представляется возможным, но он имел место, разумеется, до войны с чанками. Согласно Сьесе, результатом этой кампании было заключение союза между Виракочей и Кари, правителем Чукуито, который перед приходом инков разгромил Сапану, правителя Коля. Итогом стало усиление айма-ризации этой пукинаязычной области (сегодня язык пукина считают вымершим, и о нем почти ничего не известно). Гарсиласо пишет о пребывании Виракочи восточнее озера Титикака, где он принял послов из Тукумана (современная Аргентина) с предложением вассальной зависимости, а Олива сообщает о его походе

де в Чили. Можно счесть это домыслами или преувеличениями, но сегодня аргентинские и чилийские археологи усматривают в некоторых памятниках инкские черты, которые могут свидетельствовать о проникновении инкского влияния на эти территории также уже в XIV в. Если, конечно, все потом не подвергнется передатировке⁹.

Кроме того, авторы приписывают Виракоче активную строительную деятельность. Салькамайгуа именно его считал строителем знаменитой крепости Саксайуамана в Куско, Сьеса — создателем дворцов в имении самого Виракочи в Шакашагуане, Гарсиласо, Васкес де Эспиноса и Кобо — строителем храма Виракочи в Каче и инициатором прокладки двух больших оросительных каналов. Олива кратко пишет, что во время похода в Чили Виракоча воздвиг несколько зданий в Копакабане на озере Титикака (!) и в других местах, строил также тамбо (постоялые дворы), мосты, каналы, склады.

Необходимо также остановиться на вопросе о том, какие еще представления были созданы о Виракоче. Прежде всего, на основании видения его божественного тезки, явившемся ему. Учитывая, что это происходило то ли во сне, то ли в трансе, можно понять Муруа, называвшего, как это было характерно для миссионеров, всех шаманов и им подобных колдунами. И о Виракоче он писал именно как о приверженце занятий колдовством, при котором было множество колдунов, служивших уакам и идолам, по приказу Инки носивших определенную прическу и одежду. Из имеющихся текстов можно понять, что видение являлось Инке отнюдь не однажды. Чтобы

отважиться принять имя божества, нужны были серьезные основания. Достаточно ли было только видений? Недаром чанки захотели проверить, соответствует ли Инка имени, которое принял (как утверждал Бетансос). Впрочем, если он принял имя Виракочи именно вследствие победы в этой войне (согласно указанию Кобо), то все становится на свои места: легенда об оживших камнях, ставших воинами, которых, по его словам, никто кроме него не мог видеть во время обороны Куско, отсылает к упоминаемой и Помой чудесной способности Инки вести диалог с уаками (хотя относительно самого Виракочи он такого не сообщает). Но, согласно Бетансосу, именно Виракоча получается первым Инкой, одаренным такой способностью, что не могло не поднять его престиж в глазах не только его собственных подданных. А вот то, что излагает официальная традиция о Пачакутеке в аналогичной сцене (по сообщениям Бетансоса и Гамбоа) показывает, что таковой способностью последний в подобной мере явно не обладал. Не совсем ясно даже, кого, собственно, он увидел: Виракочу или Солнце, и когда якобы обрел чудесное зеркало (судя по всему, тоже бодрствуя, согласно текстам Кристобая Молины и Гамбоа). Однако прямых упоминаний о том, что он как-то пользовался данным предметом (скорее всего своего рода магическим кристаллом шаманов) в источниках нет, если не считать указания церковного автора XVI в. из Куско Кристобая де Молины, что в зеркале Пачакути видел все, что хотел. Кроме того, тот факт, что именно за Виракочей после войны с чанками закрепилась еще и слава оракула (как писал Гарсиласо), также показывает, что диалоги с уаками он вел, вероятно, регулярно. После него, согласно Поме, это получалось только у Топа Инки (носившего то же имя, что и его дед Виракоча до принятия нового), а вот, например, Уайна Капаку это удавалось плохо¹⁰.

Иконография Виракочи (да и всех Инков) по понятным причинам не портретная, поскольку инки не знали такого искусства, а его изображения колониальной эпохи, как и прочих Инков (самые близкие по времени к правлению династии, сделанные по приказу вице-короля Перу Франсиско де Толедо примерно в 60-х годах XVI в. не сохранились), даже если считать, что они созданы с привлечением индейских традиционных представлений, — не более, чем символические, воображаемые портреты, к тому же черты лица сильно европеизированы (см. иллюстрации). Создать изображение-реконструкцию по имеющимся описаниям также невозможно ввиду их краткости.

Расхождения в описаниях и характеристиках Инки Виракочи, как кажется, свидетельствуют о довольно пестрой картине представлений инков о своих правителях. Несмотря на официальную версию, установленную при Пачакутеке, изложенную, например, Бетансосом и Гамбоа, хронисты все же застали и обрывки версий «неофициальных», сохранявшихся в устной форме или занесенных на кипу в конкретных инкских кланах. Отсюда — разные мнения о Виракоче. Но единства не было и внутри самих кланов, что доказывается большим разнообразием в сведениях не только о количестве детей, но и об их положении в семье (старшинстве, «законности» и т.п.). Показательно, однако, что, например, кипукамайоки считали Виракочу чуть ли не величайшим правителем из всех инков, и заявили, что многое из сделанного им было затем присвоено его преемниками¹¹. Впрочем, такое, вероятно, случилось не только с ним. Это также свидетельствует о том, что

с кланом Пачакутека опрошенные кипукамайоки не были связаны. А вот с кланом Виракочи — наверняка.

Сохранению положительного образа Виракочи (что отразилось в достаточно большом количестве текстов), даже вопреки официальной версии и уже развернувшейся массовой христианизации (хотя и довольно поверхностной, особенно в XVI в.), не могла не способствовать его слава великого колдуна и предсказателя. Примечательно, что Пома отметил такой любопытный факт: Топа Инка Юпанки (вспомним прежнее имя Виракочи), научившись, подобно деду, разговаривать с уаками, получил прозвище Виракоча¹².

Восприятие Виракочи как отрицательного персонажа во многом связано с методами прежних исследователей, нередко ограничивавшихся выбором лишь нескольких текстов (самых представительных, правдивых, авторитетных и т.п. с их собственной точки зрения). Причем степень достоверности этих текстов определялась произвольно. В случае с Виракочей можно, например, отметить влияние на складывание именно отрицательного образа Инки текстов Бетансоса, Гамбоа и Сьесы де Леона (практически без учета прочих). Текст Анелло Оливы вызывал сомнения ввиду слишком уж фантастических в ряде случаев построений, связанных с инкской историей. Одно время полностью был исключен из рассмотрения Гарсиласо (а, соответственно, и все авторы, в трудах которых усматривалось воздействие его «Комментариев», например, Васкес де Эспиноса и Кобо) как автор субъективный, заведомый фальсификатор и т.п. Вопрос, однако, в том, можно ли где-нибудь вообще найти объективного хрониста. И если учесть тот факт, что приход к власти Пачакутека носил характер фактически государственного переворота, ибо он действовал вопреки традиционно установленным правилам (Инка Уркон был *уже* назначен правителем и принят, по крайней мере, частью кусканской элиты), то его цель очернить образ и дела предшественника, пусть и собственного отца, вполне закономерна. Как закономерно и то, что его «новую трактовку» истории приняли не все, и конфликт между противоборствующими группировками, хотя и в латентной форме, продолжался до самой испанской конкисты. Кстати, даже антиинкски настроенный Гамбоа никогда не приводил Виракочу в пример как разрушителя инкских законов престолонаследия, несмотря на то, что, как указывалось выше, Виракоча тоже мог, с европейской точки зрения, прийти к власти «не по правилам», если он действительно приходился Ягуар Уакаку не сыном, а братом или племянником¹³. Так что искать объективного хрониста и в этом случае бесполезно — в официальной истории всегда работал принцип «кому выгодно». И утвердившийся в научной литературе образ Инки Виракочи, сконструированный на основе только «достоверных источников», получился именно искусственной конструкцией, весьма далекой от реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. W e d i n. El concepto de lo incáico y las Fuentes. Estocolmo, 1966. О переоценке прежних взглядов на источники по инкскому периоду см.: J. H i l t u n e n. Ancient Kings of Peru. Helsinki, 1999; C. J u l i e n. Reading Inca History. Iowa City, 2000; S. H y l a n d. The Quito Manuscript. New Haven, 2007.

² P. Martínez Sagredo, A. Ojalvo Pressac, C. Díaz Durán. La construcción de la figura de Pachacuti Inca Yupanqui en textos coloniales (1534—1615). — *Diálogo Andino*, N.37, 2011, p. 87—103.

³ Ф.Гуаман Пома де Айала. Первая новая хроника и доброе правление (доколумбовый период). М., 2011, с. 75; J.Santa Cruz. Pachacuti Yamqui Salcamaygua. Relación de antigüedades deste reino del Perú. — Varios. Antigüedades del Perú. Madrid, 1992, с. 217; S.Hylland. Op. cit. p. 143; B.Cobo. History of the Inca Empire. Austin, 2005, p. 126; J.de Betanzos. Suma y narración de los incas. Madrid, 1987, p. 22; G.Anello Oliva. Historia del reino y provincias del Perú. Lima, 1895, p. 50; P.Sarmiento de Gamboa. Historia de los incas. Madrid, 2001, p.78; M.de Murúa. Historia general del Perú. Cap. XV. — <http://www.biblioteca-antologica.org/wp-content/uploads/2009/09/MURUA-Historia-General-del-Peru.pdf>; P.de Cieza de León. El señorío de los incas. Madrid, 2000, p. 125; Idem. Crónica del Perú. El señorío de los incas. Caracas, 2005, p. 382—383; Quipucamayos. Discurso sobre la descendencia y gobierno de los incas. — J.de Betanzos. Suma y narración de los incas. Madrid, 2004, p. 367.

⁴ P.de Cieza de León. El señorío de los incas. Madrid, 2000, p. 126; M.de Murúa. Op. cit., cap. XVII; Ф.Гуаман Пома де Айала. Указ. соч., с. 76; J.de Betanzos. Suma y narración de los incas. Madrid, 1987, p. 22; G.Anello Oliva. Op. cit., p. 51.

⁵ Инка Гарсиласо дела Вега. История государства инков. Л., 1974, с. 240; G.Anello Oliva. Op. cit., p. 51—52; B.Cobo. Op. cit., p.127—128; S.Hylland. Op. cit., p. 143; P.Sarmiento de Gamboa. Op. cit., p. 80.

⁶ Quipucamayos. Op. cit., p. 370; P.de Cieza de León. El señorío de los incas, p. 139; P.Sarmiento de Gamboa. Op. cit., p. 81—82; Инка Гарсиласо дела Вега. Указ. соч., с. 335; M.de Murúa. Op. cit., cap. XVII; Пома де Айала. Указ. соч., с. 76; G.Anello Oliva. Op. cit., p. 51; A.Vázquez de Espinosa. Compendio y descripción de las Indias Occidentales. Madrid, 1969, p. 383.

⁷ P.Sarmiento de Gamboa. Op. cit., p. 81—83; Инка Гарсиласо дела Вега. Указ. соч., с. 335; Quipucamayos. Op. cit., p. 368; P.de Cieza de León. Op. cit., p. 128—130; A.Vázquez de Espinosa. Op. cit., p. 382—383; M.de Murúa. Op. cit., cap. XVII; Пома де Айала. Указ. соч., с. 76; B.Cobo. Op. cit., p. 131—132; R.A.Covey. How the Incas Built Their Heartland. Ann Arbor, 2006, p. 167—183.

⁸ J.Santa Cruz. Pachacuti Yamqui Salcamaygua. Op. cit., p. 219; P.de Cieza de León. Op. cit., p. 140—142; J.de Betanzos. Op. cit., p. 23—26; J.Hiltunen. Op. cit., p. 332; P.Sarmiento de Gamboa. Op. cit., p. 83.

⁹ P.de Cieza de León. Op. cit., p. 133—139; G.Anello Oliva. Op. cit., p. 51; Инка Гарсиласо дела Вега. Указ. соч., с. 327. R.Raffino, R.Stehberg. Tawantinsuyu. The Frontiers of the Inca Empire. — Archaeology in Latin America. London & New York, 1999. p.168—183. Пукина — вымерший язык, но еще в XVI в. он считался одним из трех «официальных» языков вице-королевства Перу.

¹⁰ M.de Murúa. Op. cit., cap. XVII; B.Cobo. Op. cit., p. 127—129; Пома де Айала. Указ. соч., с. 79, 81; J.de Betanzos. Op. cit., p. 22—23,32; P.Sarmiento de Gamboa. Op. cit., p. 87; C.Molina. Fábulas y mitos de los incas. Madrid, 1988, p. 60—61; Инка Гарсиласо дела Вега. Указ. соч., с. 317—318.

¹¹ Quipucamayos. Op. cit., p. 369.

¹² Пома де Айала. Указ. соч., с. 170.

¹³ M.Ziółkowski. La Guerra de los wawqui. Quito, 2005, p. 160, 162, 171.